

Наконец-то соизволил вернуться домой. Как только Шэнь Гуань вошёл, он увидел, что маленький Цинь Шэнь на руках у няни размахивает руками, что-то лепечет и тянется к нему.

— Мой маленький Шэньшэнь, — Шэнь Гуань, который и так чувствовал вину за то, что пропустил несколько месяцев роста ребёнка, не выдержал и бросился к нему, подхватывая Цинь Шэня на руки. Тот прищурился, щёки собрались в комочек, словно паровой хлебец из белой муки — мягкий и милый, и ни следа обычной холодности к посторонним. Шэнь Гуань не удержался и чмокнул его: — Уа! Цинь Шэнь залился звонким смехом, приложил ладошку к лицу отца и, подражая ему, тоже поцеловал. Шэнь Гуань смеялся до боли в пояснице, присел на корточки, держа ребёнка на руках, и принялся с ним возиться. Цинь Ханьюань велел отнести вещи в дом, а когда обернулся и увидел эту сцену, сердце его кольнуло. Он подошёл и поднял Шэнь Гуаня за шиворот. Цинь Шэнь, заметив, что тот тащит его папу за воротник, страшно разозлился: оскалился, замахал руками и принялся колотить Цинь Ханьюаня. Шэнь Гуань засмеялся ещё громче, не в силах сомкнуть рта.

— Видишь, как сын тебя не жалуется, — усмехнулся Шэнь Гуань. — Когда ты состаришься, он обязательно отключит тебе аппарат ИВЛ.

Цинь Ханьюань закатил глаза на Цинь Шэня, забрал маленького чертёнка, обнял Шэнь Гуаня и направился в дом.

Цинь Шэнь не хотел сидеть у Цинь Ханьюаня: он извивался, брыкался, тянул руки, настойчиво требуя, чтобы его взял Шэнь Гуань. Цинь Ханьюань не уступал, и мальчик, налившись краской, залился горькими слезами. Шэнь Гуань не выносил плача сына, мигом отобрал его обратно, похлопал по спинке, успокаивая:

— Ну-ну, хороший, не плачь. Папа плохой, не плачь, не плачь.

Оказавшись на руках у Шэнь Гуаня, Цинь Шэнь тут же перестал плакать, обиженно сморщил мордашку, словно его жестоко обидели. Цинь Ханьюань рассердился не на шутку, ущипнул его за пухлую щёчку. Цинь Шэнь покосился на него, звонко чмокнул Шэнь Гуаня, потом снова покосился на отца с торжествующей улыбкой — точь-в-точь злодей, провернувший удачное дельце. Тьфу! Он породил сына-лицемера. Выбросить. Кто-нибудь, заберите его с порога!

Шэнь Гуань не замечал этой скрытой борьбы между отцом и сыном. Он радостно понёс Цинь Шэня в детскую играть. Не было дома почти полгода, но всё осталось по-прежнему — Шэнь Гуань почувствовал такую родную теплоту. Цинь Ханьюаню ещё нужно было заняться делами, так что он не стал ему мешать.

Шэнь Гуань пробыл с сыном недолго, когда получил уведомление от Чжоу Чэнтао: первый выпуск «Танца» выйдет сегодня вечером. Шэнь Гуань с нетерпением ждал, что получилось в монтаже, спросил время и приготовился вовремя включить трансляцию. Однако Чжоу Чэнтао предупредил, что нужно быть готовым: после показа будет прямой эфир с подключением других участников, где они обсудят съёмки, закулисы и тому подобное. Шэнь Гуань на всё согласился и пообещал добросовестно участвовать в промо.

Тем временем Чэн Чжоу, чувствуя себя очень виноватым, вернулся домой. Увидев, что Чэн Ши нет, он облегчённо хлопнул себя по груди, оставил купленный подарок в кабинете и смылся. Вань Бань, усмехнувшись, потрепал его по волосам, разобрал вещи и спросил:

— Вернёшься в школу? Я подвезу.

Чэн Чжоу покачал головой:

— Сегодня вечером надо поужинать с братом, а то он рассердится.

С этими словами Чэн Чжоу достал телефон и набрал Чэн Ши. Гудки шли долго, но никто не отвечал. Чэн Чжоу в недоумении почесал затылок и, не сдаваясь, набрал снова. На этот раз на том конце наконец взяли трубку.

— Алло, брат.

На том конце несколько секунд молчали.

— Брат? — ещё раз позвал Чэн Чжоу.

— Эм... — из трубки донёсся низкий голос. Чэн Чжоу показался знакомым, но он не мог сразу вспомнить, чей. — Он спит. Я передам ему попозже.

— А? — Чэн Чжоу опешил и глянул на время.

Пять вечера. Какой сон? И спит не дома — где тогда? И кто этот мужчина?

— Ты кто такой? — возмутился Чэн Чжоу.

— У меня дома, — ответил собеседник и поспешно повесил трубку.

Чэн Чжоу в ярости закатал рукава и рванул к выходу:

— У моего брата чистоплюйство, как он может спать у кого-то дома?! Это точно похитители!

Вань Бань, не зная, смеяться или плакать, удержал его:

— Может быть... я имею в виду, может быть...

Чэн Чжоу остановился и недоумённо уставился на Вань Баня:

— Что может быть? Какие отношения? Хорошие отношения — повод его похитить?

Вань Бань постучал его по лбу и вздохнул:

— Ну как же ты не додумаешься?

— Ай, надоел! Говори быстрее!

Вань Бань узнал голос Цинь Ханцэ, но не стал говорить прямо, а лишь намекнул:

— Этот человек... может быть, он парень твоего брата?

Чэн Чжоу отрезал:

— Не может быть! У моего брата есть любимый человек. И этого человека у него отобрали. Это очень печальная история, а виновник ещё смеет напоминать!

Чэн Чжоу рассердился, пнул Вань Баня и выбежал на улицу. Вань Бань беспомощно покачал головой и с горькой улыбкой бросился за ним. Нельзя было допустить, чтобы он и вправду заявил в полицию. С трудом, уговорами и лаской он кое-как успокоил Чэн Чжоу и, пообещав, увёл домой, где «особым» способом заставил его временно забыть обо всей этой ерунде.

Гао Е, протерев заспанные глаза, открыл их и почувствовал, что голова кружится. Он поднялся, огляделся — комната была пуста, господин Сун, видимо, ушёл. Гао Е опустил голову и безнадежно вздохнул. С тех пор как его выписали из больницы, он всячески старался не позволить Сун Цзыфаню прикасаться к себе. Но Сун Цзыфань становился всё более раздражительным, а живот Гао Е всё рос — неизвестно, сколько ещё удастся это скрывать. В последнее время его постоянно клонило в сон, тело было измотано, и времени навещать сестру становилось всё меньше. К счастью, сестра в этот период восстанавливалась хорошо: уже могла, опираясь на костыли, самостоятельно прохаживаться. Гао Е погладил живот и тепло улыбнулся. Когда ребёнок родится, если господин Гао не захочет их, он заберёт сестру и малыша, найдёт небольшой городок, откроет кондитерскую и будет изо всех сил стараться их прокормить. От этих мыслей Гао Е приободрился — будущее, пусть и неизвестное, уже не казалось таким страшным. Он медленно слез с кровати, приготовил ужин, упаковал и собрался отнести сестре в больницу. Едва открыв дверь, он столкнулся с ворвавшимся в комнату разъярённым Сун Цзыфанем. У Гао Е дёрнулось веко — он почуял недоброе. Он отступил на два шага и испуганно произнёс:

— Господин Сун... Сун... Вы зачем пришли?

Сун Цзыфань втащил его в комнату, захлопнул дверь и холодно уставился на него, медленно

переводя взгляд на живот. Гао Е вздрогнул и поспешно прикрыл живот руками:

— Господин Сун...

Сун Цзыфань схватил его за запястье и, скрежеща зубами, процедил:

— Сколько ты собирался это скрывать?

В глазах Гао Е застыл ужас, он сглотнул и ответил дрожащим голосом:

— Простите, я, я не нарочно, я...

— А смелости тебе не занимать, — Сун Цзыфань сжал его подбородок, взгляд его горел, словно собирался испепелить Гао Е живьём. С того дня, как ушёл из больницы, Сун Цзыфань терзался сомнениями, и у него даже мелькнула мысль: а не беременен ли Гао Е? Видевший своими глазами, как Шэнь Гуань вынашивал и рожал, Сун Цзыфань давно пересмотрел свои взгляды на мир. Но Шэнь Гуань — гермафродит, а Гао Е — чистокровный мужчина. Откуда у него может быть ребёнок? В последние дни Гао Е всеми силами старался держаться от него подальше, стоило Сун Цзыфаню дотронуться — он весь каменел от страха. На вопрос, что болит, он не отвечал, а если его прижимали, начинал нервничать, бежал в туалет и долго блевал, напрочь отбивая у Сун Цзыфаня всякое желание. Ситуация была крайне ненормальной. Сомнения и догадки в душе Сун Цзыфаня разрастались, пока он больше не выдержал, вернулся в ту больницу и силой вынудил врача сказать правду.

Так он узнал, насколько дерзок Гао Е. Забеременеть от него и скрывать! Словно кто-то взорвал в его голове бомбу — Сун Цзыфань почувствовал, что мысли его смешались. Что делать с этим ребёнком? Никакого решения не было. Он просто примчался в ярости, чтобы выместить злость на Гао Е.

Гао Е замотал головой, слёзы навернулись на глаза:

— Господин Сун, умоляю, позвольте мне родить этого ребёнка.

Сун Цзыфань отпустил его и холодно усмехнулся:

— Родить?

Гао Е обеими руками прикрыл живот, тело его мелко дрожало, голос звучал униженно:

— Я, я не расскажу ребёнку правду...

Сун Цзыфань стиснул зубы, прищурился и задумчиво молчал.

— Ещё немного, и Жу-Жу сможет выписаться, — с огромной болью в сердце, но пересилив себя, продолжил Гао Е. — Я заберу Жу-Жу и уеду. Вы не услышите...

При словах «уеду» брови Сун Цзыфаня дёрнулись, и гнев вспыхнул с новой силой. Он не только тайно забеременел, но ещё и собрался уходить!

— Я absolutely не буду вам мешать, прошу, поверьте мне...

Сун Цзыфань не слушал его жалких оправданий. От злости он сжал кулаки, схватил Гао Е за горло и прижал к стене. Лицо Гао Е налилось краской, он не смел сопротивляться, но руки по-прежнему защищали живот. Холодные слёзы скатывались по уголкам глаз.

— Ты хочешь уйти?

Всего лишь игрушка, не имеющая значения, — почему же при мысли о его уходе в душе поднимается такая паника? От этой мысли хватка стала ещё неконтролируемее. Гао Е стало трудно дышать, он умоляюще взглянул на Сун Цзыфаня и заикаясь выдал:

— Я, я не стану вам...

Сун Цзыфань резко отшвырнул его, схватил за плечи и с яростным напором повторил:

— Ты хочешь уйти?

Не привыкший видеть Сун Цзыфаня в таком возбуждении, Гао Е испуганно кивнул.

— Хе-хе, — почти безумно глядя на него, Сун Цзыфань схватил его за запястье и потащил в спальню.

— Господин Сун! — Гао Е отчаянно сопротивлялся, но силы были неравны.

— Хочешь родить, да? — Сун Цзыфань толкнул его на кровать. Гао Е вытаращил глаза, схватил подушку и забился в угол кровати, сжимаясь в комок.

— Не надо!

Сун Цзыфань смотрел на его худое, дрожащее тело, на влажные от слёз глаза, полные ужаса, — и в нём на миг шевельнулась жалость.

— Умоляю, не надо... — слёзы Гао Е падали одна за другой, словно прозрачные жемчужины, разбиваясь о тыльную сторону ладони.

— Слушай меня внимательно, — Сун Цзыфань стоял у кровати, приподняв бровь. — Пока я не наигрался, ты не имеешь права уходить.

Гао Е опустил голову, не ответив. Сун Цзыфань вспомнил слова врача: беременность наносит серьёзный урон здоровью Гао Е, есть риск, что он не сможет родить и потеряет все силы. На сердце стало тревожно, и он решил: нельзя оставлять эту бомбу замедленного действия. Сун Цзыфань стиснул зубы.

Гао Е резко поднял голову, глубоко вздохнул, вытер слёзы. В душе воцарился ледяной холод. Он действительно не испытывает к нему ни капли чувств, ни капли надежды на ребёнка. А сам он? Он уже увяз в этих отношениях. Кроме сестры, у него был только Сун Цзыфань. Теперь, когда наконец появился ребёнок, на свете у него появилась ещё одна привязанность. Как бы то ни было, нужно найти способ уйти и родить ребёнка в безопасности.

<http://bllate.org/book/18789/1824900>